

*В.С. Болт**

**СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ
МЕЖДУ ФРАНЦУЗАМИ И ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ
РУССКОГО ОККУПАЦИОННОГО КОРПУСА.**

1815–1818 гг.

В статье рассмотрены способы снижения уровня агрессии в отношениях между солдатами русского оккупационного корпуса, находившегося во Франции в 1815–1818 гг., и гражданским населением, проживавшим на оккупированной территории. Выбранная корпусным командованием модель поведения предполагала уменьшение давления на мирных граждан на бытовом уровне, отказ от любого применения силы со стороны солдат и максимальное невмешательство обеих сторон в хозяйственную деятельность друг друга. Предполагалось, что это будет способствовать поддержанию мирного диалога «на равных» и позволит отказаться от ролей «победителей» и «побежденных».

Ключевые слова: военно-историческая антропология, Франция, Россия, оккупационный режим 1815–1818 гг., русский оккупационный корпус, конфликты

DOI 10.32608/0235-4349-2018-1-51-205-217

Сюжеты, иллюстрирующие различные стороны отношений солдат с гражданским населением в условиях военного времени, все чаще привлекают внимание исследователей, интересующихся военно-исторической антропологией. И чем меньше эти сюжеты растянуты во времени, тем большую ценность представляют для изучения различных методов контроля ситуации в столь непростых обстоятельствах.

Установление оккупационного режима как средство политического принуждения использовалось европейцами на протяжении многих веков. Поэтому главы коалиционных войск, принявшие решение о временной оккупации части территории Франции после повторного свержения Наполеона I в 1815 г., прекрасно понимали трудности, связанные с реализацией этого решения. Правда, важной особенностью данной оккупации была ее договорная

** Валентина Сергеевна Болт, младший научный сотрудник лаборатории Западноевропейских и средиземноморских исторических исследований ГАУГН, аспирантка ИВИ РАН.*

Текст подготовлен при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 18-18-00226).

основа: формально союзные войска располагались на территории Франции с позволения ее законного монарха и с целью защиты общих интересов, что, как предполагалось, должно было исключить в диалоге солдат с местным населением деление на «победителей» и «побежденных», превращая всех в союзников, стремящихся к взаимопониманию.

Безусловно, почти у каждого европейского монарха в 1814-1815 гг. были свои счеты с Францией и Наполеоном. Имелись они и у Александра I, чья армия тремя годами ранее с горечью наблюдала за падением одной из своих столиц. Свежо в памяти было и откровенно враждебное отношение к наполеоновским солдатам подавляющего большинства гражданского населения России. Вероятно, русский император не желал для своей армии повторения этого опыта во Франции.

Должно быть, эти обстоятельства и были причиной того, что одним из главных правил, продиктованных Александром I своим войскам, стало предписание по возможности воздерживаться от насилия по отношению к мирному населению, стараться не вступать с ним в конфликты и беречь свою репутацию. На практике, конечно, соблюдать эти принципы получалось не у всех и не всегда: и в отечественной, и в зарубежной историографии описано множество конфликтов между солдатами и местным населением в 1814-1815 гг. Между тем в архивном фонде Первой армии хранятся следственные дела, свидетельствующие о том, что за насилие по отношению к местным жителям солдаты нередко подвергались наказанию¹.

После ухода основных сил армии Александра I на родину это правило продолжало действовать в размещившемся на северо-востоке Франции русском оккупационном корпусе. В новых условиях за его соблюдением следить было намного легче. В то время как ранее войска всей союзной армии находились в постоянном движении, из-за чего нередко оказывалось сложно найти виновных в правонарушениях, теперь все подразделения корпуса постоянно размещались на конкретной территории и несли ответственность за порядок на ней. Кроме того, союзный договор предполагал полное прекращение вооруженных столкновений, что позволяло более детально вникать в возникавшие конфликты

¹ РГВИА. Ф. 16231.

и следить за их предотвращением.

В то время как русский император и главнокомандующий его армии в своих приказах определяли общие положения, которым должны были следовать войска, графу М.С. Воронцову, командиру оккупационного корпуса, досталась более трудная задача: он должен был отразить эти положения в конкретных правилах поведения военнослужащих вверенного ему контингента, делая поправку при этом на многочисленные повседневные проблемы.

Французский исследователь иностранной оккупации Франции 1815-1818 г. Ж. Антрэ в своей работе немалое внимание уделил различным психологическим механизмам, которые оказывали непосредственное влияние на отношения воинских чинов и гражданского населения. Он пришел к выводу, что в ситуации военной оккупации при взаимодействии солдат и мирного населения на бытовом уровне многие привычные объекты или поступки приобретали важное символическое значение². Поэтому и без того непростые обстоятельства повседневной жизни русских солдат во Франции еще более усложнялись.

Одним из самых проблемных вопросов было размещение солдат. Не секрет, что к 1815 г. благосостояние большинства французов оставляло желать лучшего, поэтому необходимость содержать солдат в своих домах была для них крайне обременительной: постояльцев нужно было кормить, обеспечивать спальными местами и необходимыми бытовыми принадлежностями. Если добавить к этому незнание русскими нижними чинами французского языка и местных обычаев, то неизбежность конфликтов становится очевидной. Проблема эта была хорошо известна всем участникам событий еще по предыдущим годам, когда, ссорясь с кем-то из должностных лиц сельской администрации, офицеры начинали пугать их тем, что в наказание разместят у них солдат на постой. Так, в сентябре 1817 г., пишет французский исследователь Ж. Брейяр, в городе Ла Капель произошла драка между русскими солдатами и местными жителями. В наказание горожанам М.С. Воронцов определил им на постой 150 человек³.

Очевидно было, что при многолетнем пребывании оккупаци-

² Hantraye J. Les cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon. P., 2005. P. 30.

³ Брейяр Ж. М.С. Воронцов в Мобеже. К истории русского оккупационного корпуса во Франции, 1816–1818 // Воронцовы – два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Вып. 6. СПб., 2000. С. 140.

онных войск во Франции подобную нагрузку с жителей следует, хотя бы частично, снять. Приказом от 4 января 1816 г. было объявлено о необходимости разместить максимальное количество солдат по «отдельным избам», где могло бы помещаться до двадцати человек и где солдаты были бы «отделены от обывателей и приготавливали бы сами себе пищу, получая все им следующее продовольствие»⁴. По сути, это были импровизированные казармы, которые уже организовывались в период активных военных действий во Франции, разве что теперь они должны были принять максимальное количество солдат.

Помимо декларируемого желания снизить нагрузку на местных жителей, что демонстрировало им добрую волю командования корпуса, граф Воронцов аргументировал необходимость селить солдат отдельно еще и тем, что жизнь в домах гражданских лиц могла излишне расслабить нижние чины корпуса и негативно сказаться на дисциплине. Здесь же он отмечал такой важный фактор, как необходимость сохранения отечественных обычаев, которым могли бы повредить «беспрестанные смешения их [солдат] с местными жителями»⁵. В данной связи весьма характерно отсутствие такого учебного предмета, как французский язык, в организованных несколько позднее солдатских школах ланкастерского типа. И это при том, что немалая часть личного состава корпуса не знала французского языка, что периодически способствовало возникновению конфликтных ситуаций. Очевидно, что корпусное командование стремилось к сохранению значительной степени обособленности своих подчиненных от местных жителей, к созданию замкнутых локальностей, где должны были жить и общаться в привычной для себя обстановке русские солдаты, что снижало бы количество бытовых контактов с французами.

Расселение военнослужащих корпуса на месте постоянного пребывания пришлось на начало 1816 г. Ранее он дислоцировался несколько южнее. В декабре 1815 г., после того как союзные армии стали покидать пределы Франции, Воронцов приказом объявил, что корпус перемещается к северу, где ему и предстоит расположиться на ближайшие несколько лет. Поэтому занятие русскими войсками оккупируемой территории происходило вполне организовано. В фонде Воронцовых ОПИ ГИМ сохранились

⁴ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 10.

⁵ Там же.

письма командиру корпуса от ряда французских чиновников и крупных землевладельцев с просьбой в подотчетных им населенных пунктах солдат либо вовсе не ставить, либо уменьшить их количество⁶. Как правило, на такие просьбы граф Воронцов отзывался с пониманием и соглашался на возможные уступки.

Если вопрос выбора конкретных населенных пунктов для дислокации частей корпуса разрешился достаточно быстро, то проблема обустройства казарм и переселения туда солдат оказалась сложнее. Казарменное содержание военнослужащих, безусловно, должно было стать для гражданского населения меньшим бременем, чем постой в домах, однако под казарму нужно было либо построить новое здание, либо выделить какое-то из уже существующих. И здание это должно было быть пригодным для жилья. Так, например, в декабре 1817 г. генерал-майор Каблуков, командир одной из драгунских бригад, жаловался, что его бригада уже длительное время не может занять положенных казарм из-за того, что почти все они в ужасном состоянии: стены покосились, крыши текут и т.д. А селить солдат в таких непригодных для жизни помещениях ни в коем случае нельзя⁷. Далее выбранные постройки нужно было оборудовать предписанным комплектом бытовых предметов: кроватями, одеялами и прочим⁸. Иногда проблемы создавали сами солдаты, очевидно, не желавшие перебираться из гражданских домов, где их кормили и обстирывали хозяева, в казармы, где солдатам самим приходилось готовить и стирать⁹. Таким образом, препирательства по поводу размещения солдат продолжались достаточно долго. В итоге разместить по казармам удалось лишь основную часть рядового состава. Старшие офицеры остались жить на квартирах.

Хотя совместный быт рядовых и гражданского населения Воронцов считал фактором, негативно влияющим на солдатскую дисциплину, сотрудничество с местными жителями и властями, особенно в конфликтных ситуациях, поощрялось и активно практиковалось.

Так, например, деятельность французских таможенных служб

⁶ Например: письмо герцога де Бурбона от 24 января 1816 г. ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 2464. Л. 8; письмо мэра коммуны Марли департамента Валансьен. ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 2478. Л. 19.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 2489. Л. 27.

⁸ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 16.

⁹ Там же. Л. 36, 105.

довольно часто приводила к столкновениям таможенников с солдатами; порою доходило даже до смертоубийства. Французские власти предложили разделить бремя обязанностей: русские военнослужащие должны были помогать таможенникам, забирая себе в награду часть контрабандных товаров в случае их обнаружения¹⁰. Предполагалось, что это снизит число конфликтов.

Еще одним примером служит патрульная служба, организованная жителями некоторых городов из-за многочисленных случаев воровства. Муниципальные власти сообщили командованию корпуса, что горожане собираются по ночам патрулировать улицы, и просили не чинить препятствий. Воронцов не просто дал на это свое согласие, но рекомендовал командирам выделять в помощь патрульным по три рядовых с унтер-офицером. Кроме того, он посоветовал организовать такую же службу тем городам, которые ею еще не озаботились¹¹.

Нередко конфликты разворачивались вокруг вопросов питания. В ходе кампаний 1814–1815 гг. продовольственные запасы полков пополнялись посредством реквизиций, которые нередко выливались в организованное мародерство. Поэтому специальная конвенция, приложенная к союзному договору от 20 ноября 1815 года, содержала тариф с продовольственными нормами, которые были положены всем солдатам оккупационной армии¹². Реквизиционная же система полностью отменялась. Отныне проблема снабжения оккупационных частей продовольствием не должна была напрямую касаться гражданского населения или, по крайней мере, основной его части. Теперь рядовой состав должен был получать провиант от специально назначенных поставщиков, чьи услуги оплачивались французским правительством. Офицеры же, проживая на квартирах, содержание получали деньгами и сами могли купить себе все необходимое. Это заметно снижало финансовую нагрузку на мирное население. Привлечение остальных жителей к снабжению оккупационных войск предусматривалось только в случае грубых нарушений договоров о поставках. То есть, если безответственный поставщик долгое время не выполнял взятые обязательства или поставлял продовольствие плохого качества, то следовало обращаться с жалобой к местной администрации.

¹⁰ Там же. Л. 33.

¹¹ Там же. Л. 159.

¹² *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 14. Трактаты с Францией. 1807–1820 гг. СПб., 1905. С. 318.

И лишь в том случае, если администрация отказывала в содействии, солдаты могли потребовать причитавшееся им непосредственно от населения. На практике до таких крайностей дело доходило редко. Воронцов в своих приказах периодически напоминал, что эта мера крайне нежелательна для российского корпуса и может применяться только в случае больших злоупотреблений со стороны поставщиков и местной администрации¹³.

Помимо продовольствия, нередко причиной конфликтов становился фураж. Известно, что в тот период лошади имели высокую ценность, и об их содержании солдаты заботились порой не меньше, чем о своем собственном. Однако если продовольствие солдаты воровали не часто (самое большее, их могли поймать на краже яблок в саду), то сено, напротив, было одним из самых распространенных объектов краж¹⁴.

Поэтому контроль над поставками осуществлялся весьма тщательно. Рядом приказов по корпусу подробно регламентировался порядок проверки получаемого продовольствия и фуража, отбраковки негодной продукции и регистрации соответствующих жалоб. За проявленную невнимательность командиров среднего звена периодически наказывали выговорами.

Подписание мирного договора 1815 г. стало для французов конечным рубежом в долгой череде войн, после чего наступило время экономического и демографического восстановления страны. От быстроты восстановления французской экономики напрямую зависело очень многое: снабжение оккупационной армии, сроки самой оккупации, непосредственно зависевшие от того, как скоро Франция выплатит положенные контрибуции, и, разумеется, отношение местного населения к оккупационным войскам. Поэтому командование российского корпуса строго воспрещало своим подчиненным какое бы то ни было вмешательство в хозяйственную деятельность местных жителей. Воронцов в своих приказах неоднократно предупреждал, что будет строго наказывать даже за небольшие проступки, если они наносят вред хозяйствам французов. Строжайше запрещалось топтать поля, сады; отдельные приказы объявляли начало и конец охотничьих сезонов и запрещали охоту в неположенное время; нельзя было использовать взрывча-

¹³ См., например, РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 17, 82, 143.

¹⁴ См., например, РГВИА. Ф. 16267. Оп. 1. Д. 3. Л. 161, 178.

тые или ядовитые веществ для ловли рыбы и пр.¹⁵ Даже переселяться из одного дома в другой в период сбора урожая настоятельно не рекомендовалось, так как хозяева, испытывая на первых порах недоверие к новому постояльцу, вынуждены будут оставлять для присмотра за домом одного из членов семьи, что лишит их пары рабочих рук¹⁶.

Помимо материальных вопросов, имелись и другие поводы для конфликтов местного населения с оккупационными войсками. Поэтому эффективное функционирование системы правосудия, занимавшейся разрешением подобных конфликты, имело особое значение, поскольку ее сомнительное, по мнению одной из сторон, решение могло спровоцировать новые разногласия.

В российской историографии тема дисциплины в корпусе, поддерживавшейся, в частности, военно-полевым аудиториатом, нередко трактуется как одно из личных достижений М.С. Воронцова. Исследователи обращают внимание на его, необычное для того времени, гуманное отношение к солдатам и стремление к упразднению привычного для российской армии патернализма¹⁷. Справедливости ради заметим, что мнение это было высказано впервые не историками, а современниками Воронцова: многие влиятельные в армейских кругах лица с неодобрением высказывались о чрезмерном «свободонравии» Михаила Семеновича, которое, по их мнению, развращало солдат¹⁸. Тем не менее общая логика событий все-таки свидетельствует о том, что, если Воронцов и придерживался каких-либо либеральных воззрений, то, во-первых, отнюдь не стремился к излишне активному реформированию существовавших правил во вверенных ему подразделениях, а во-вторых, сам действовал в условиях достаточно жестких рамок военной дисциплины.

В своей работе корпусный военный суд руководствовался принятым в российской армии военным уставом, выдержки из которого Воронцов распорядился отдельно распечатать и распространить среди солдат для более подробного ознакомления¹⁹. Для

¹⁵ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 56, 80, 117, 132, 134.

¹⁶ Там же. Л. 132.

¹⁷ См., например: *Захарова О.Ю.* М.С. Воронцов - командующий Русским оккупационным корпусом во Франции (1815-1818 гг.) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIX Международной научной конференции, 7-9 сентября 2015 г. Бородино, 2016. С. 151.

¹⁸ *Давыдов М.А.* Оппозиция его Величества. М., 2005. С. 92-95.

¹⁹ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 62-68.

большей полноты картины необходимо учитывать то, что, согласно союзному договору, на французов распространялась государственная правовая система, а на оккупационные войска правовые системы их государств. Таким образом, ставка была сделана на разумный паритет: каждая сторона гарантировала, что будет строго наказывать нарушителей общественного спокойствия. По этой причине периодические упреки в необъективности того или иного суда превращались в оскорбление пострадавшей стороны. Чтобы минимизировать подобные разногласия полковым следственным комиссиям было предписано обязательное сотрудничество с представителями местных администраций в расследовании преступлений.

Документы следственных комиссий, сохранившиеся в российских архивах, не дают оснований говорить о какой-либо снисходительности к правонарушителям из числа военнослужащих, хотя случаи оправдания обвиняемых в силу недостатка улик или отсутствия свидетелей действительно имели место. Более того, нередко приговоры, выносившиеся военно-полевыми судами и утвержденные командиром корпуса, предполагали серьезный ущерб либо службе, либо здоровью осужденного. Так, приказ от 30 января 1815 г. содержал целый ряд приговоров: рядового, виновного в грабеже с насилием, расстрелять; второго рядового за участие в том же грабеже (очевидно, не он был инициатором) прогнать шпицрутенами через тысячу человек три раза; унтер-офицера, виновного в пьяном буйстве в доме местных жителей с избиением и нанесением увечий хозяевам, разжаловать в рядовые, лишить военного ордена и прогнать сквозь строй из пятисот человек два раза²⁰. И подобных примеров в корпусных приказах можно найти немало. Некоторые исследователи обращают внимание на то, что суровость наказаний, которым подвергались российские солдаты, нередко удивляла даже самих французов²¹.

В чужой стране рядовые чины при ощущении опасности, будь она реальной или мнимой, нередко хватались за оружие, что было чревато самыми опасными последствиями. По мнению Ж. Антрэ, солдаты, дважды вступившие во Францию победителями, неизбежно ощущали свое превосходство и порою крайне агрессивно

²⁰ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 540. Л. 30.

²¹ См., например: *Губина М.В.* Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814-1818 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 155.

реагировали на ситуации, которые могли так или иначе оскорблять их достоинство²². В таких условиях руководство корпуса выбрало, кажется, наиболее логичное решение заменить привычные неформальные наказания, применявшиеся в российской армии, на открытые уставные. То есть традиционный для армейской среды патернализм в отношениях старших и младших чинов должен был понемногу уступить место строгим уставным правилам, которые были объективны и одинаково суровы ко всем. Это должно было дать солдатам уверенность в том, что, вне зависимости от их отношений с кем-то из командиров, совершивший против них преступление будет наказан в соответствии с законным порядком, но только в том случае, если солдат обратится с формальной жалобой к вышестоящим чинам, а не будет чинить самосуд.

На практике это выражалось в объявлении по всему корпусу решений, выносимых полевым аудиториатом после расследования преступлений, в выговоры руководителям подразделений за самовольное наказание солдат в полках без подтверждения командира корпуса и за недонесение начальству даже о самой мелкой конфликтной ситуации²³. Все эти действия, как правило, сопровождалось объявлениями о выполнении положенных обязательств: либо письмами на имя кого-то из представителей местной администрации с сообщением о том, что виновный в оскорблении местного жителя должным образом наказан, либо корпусным приказом, извещавшим о том, что правонарушитель, оскорбивший кого-то из солдат, понес наказание по решению местного суда²⁴. Таким образом, возмездие носило максимально открытый и даже демонстративный характер, чтобы остальные могли четко представлять себе последствия соблюдения или несоблюдения установленных правил.

Подобная открытость действий, очевидно, представлялась одним из способов сгладить противоречия солдат и гражданского населения. Практически все вопросы, имевшие одинаковое значение как для русских, так и для французов, должны были решаться с участием или хотя бы присутствием обеих сторон. И российское командование действительно не считало для себя унизительным приглашать уполномоченных от французской администрации к

²² Hantraye J. Op. cit. P. 75

²³ См., например: РГВИА. Ф. 474. Д. 540. Л. 14, 120, 124

²⁴ Там же. Л. 50.

совместному расследованию преступлений, сообщать о наказаниях солдат, обидевших кого-то из мирных жителей, совместно следить за качеством поставляемого продовольствия и пр.

М.В. Губина в одной из своих статей цитирует, в частности, сообщение префекта Парижа, где, помимо прочего, говорилось, что руководство российского корпуса, в отличие от военачальников других армий, не только не запрещает наблюдать за его расследованием преступлений, но, наоборот, настаивает на присутствии при следствии представителей французской стороны²⁵.

К своим солдатам М.С. Воронцов был строг и не сомневаясь подписывал суровые приговоры за оскорбление кому-либо из гражданских лиц. Но взамен он требовал и от местных властей обязательно открытого наказания для французов, совершавших преступления против русских, тем самым показывая вверенным ему подчиненным, что, если они будут четко следовать его правилам, он сможет их защитить. Так в октябре 1815 г. солдаты были уведомлены приказом, что двое местных жителей, убивших казака вблизи крепости Толь, осуждены на смертную казнь. Тем, кто не до конца понял смысл объявления, командир корпусного штаба М.И. Понсет пояснил, что такое решение свидетельствует о том, что «французское начальство не делает со своей стороны никакого послабления виновным»²⁶.

Впрочем, вскоре Воронцову представился повод продемонстрировать не только добрую волю по отношению к французским властям, но и готовность бороться за свои принципы. В середине 1816 г. по корпусу был издан приказ о том, что, вопреки объявленным ранее правилам не подвергать штатских военному суду, отныне всех французских правонарушителей надлежит доставлять в штаб корпуса²⁷. Связано это было с тем, что прокурор города Авен отпустил двух французских таможенников, без значительных причин застреливших казака. Проблема была не только в факте подобного решения, а в том, что эта новость разнеслась по корпусу и нужно было открыто продемонстрировать силу легитимных средств контроля. Ситуация разрешилась благополучно: недобросовестный прокурор был снят с поста, а гнев Воронцова несколько остыл. Тем не менее Ж. Брейяр после знакомства с до-

²⁵ Губина М.В. Указ. соч. С. 157.

²⁶ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 539. Л. 10 об.

²⁷ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2164. Л. 8 об.

кументами французских региональных архивов отмечает, что русский командир нередко обвинял французскую судебную власть в пристрастности и недостойном исполнении своих обязанностей²⁸.

Положение русских оккупационных войск во Франции 1815–1818 гг. было весьма непростым и противоречивым. Наши солдаты воочию видели то страшное разорение, которому их собственную страну подвергли французы, а потому не могли питать к ним братских чувств и не испытывать искушения отомстить. В свою очередь, у жителей Франции, испивших горькую чашу национального унижения от иностранной оккупации, имелись все основания ненавидеть иноземцев. Обоюдное недовольство находилось на высоком уровне, и было достаточно лишь малой искры, чтобы вызвать взрыв. Тем не менее тонкая и хорошо продуманная политика командования корпуса, направленная на снижение взрывчатого потенциала взаимных претензий и на организацию взаимодействия, позволила избежать столь опасных последствий.

Список литературы

- Брейяр Ж.* М.С. Воронцов в Мобеже. К истории русского оккупационного корпуса во Франции, 1816–1818 // Воронцовы – два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Вып. 6. СПб., 2000. С. 127–151.
- Губина М.В.* Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814–1818 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Выпуск второй. М., 2002. С. 153–161.
- Давыдов М.А.* Оппозиция его Величества. М.: Зебра Е, 2005. 350 с.
- Захарова О.Ю.* М.С. Воронцов – командующий Русским оккупационным корпусом во Франции (1815–1818 гг.) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIX Международной научной конференции, 7–9 сентября 2015 г. / Сост. В.Р. Климов. Бородино: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2016. С. 143–161.
- Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Том 14. Трактаты с Францией. 1807 – 1820 гг. СПб.: Тип. А. Бенке, 1905. 447 с.
- Hantraye J.* Les cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la

²⁸ *Брейяр Ж.* Указ. соч. С. 139.

France après la chute de Napoléon. Paris, 2005.

Valentina S. Bolt

**WAYS TO RESOLUTE CONFLICTS BETWEEN THE
FRENCH POPULATION AND SOLDIERS OF THE
RUSSIAN OCCUPATION CORPS. 1815–1818**

The article considers ways of reducing the aggression level in relations between the Soldiers of the Russian occupation corps placed in France in 1815–1818, and the civilian population living on the occupied territory. The model of behavior chosen by the corps command presupposed the reduction of pressure on civilians at the domestic level, the rejection of any use of force by the soldiers and the maximum non-interference of both sides in each other's economic activities. It was supposed that this would help maintain a peaceful dialogue "on an equal footing" and would allow to abandon the roles of "winners" and "losers".

Keywords: anthropology of military history, France, Russia, occupation regime of 1815–1818, Russian occupation corps, conflicts